
А. А. СКВОРЦОВ

**ДЖ. ДЖ. ТОМСОН: УБИЙСТВО,
ПОЗВОЛЕНИЕ УМЕРЕТЬ И ПРОБЛЕМА
ТРАМВАЯ**

В 1976 г. американский философ Джудит Джарвис Томсон опубликовала статью «Убийство, позволение умереть и проблема трамвая», где впервые привела пример с толстяком, которого сбрасывает на рельсы наблюдатель, желающий спасти пятерых человек от попадания под трамвай. Этот пример потребовался ей, во-первых, чтобы поспорить с решением трамвайной дилеммы, предложенной Ф. Фут в контексте полемики с доктриной двойного эффекта, во-вторых, для сравнения двух явлений: убийства и позволения умереть. Дж. Дж. Томсон оспаривает распространённое мнение, что убийство всегда хуже, чем бездействие, когда наблюдатель может помочь умирающему, но не делает этого по какой-либо причине. С ее точки зрения, рассмотрение моральных дилемм показывает, что есть ситуации, когда позволение умереть будет худшим выбором, чем лишение жизни. Что же касается дилеммы толстяка, то здесь автора интересует вопрос: можно ли рационально доказать, что сбрасывать толстяка нельзя? Приведя несколько сходных примеров, Томсон формулирует несколько аргументов, в том числе довод о том, что дилемма толстяка, в сущности, есть попытка распределить угрозу между шестью персонажами, но дело в том, что наблюдатель не только распределяет угрозу, но и порождает новую угрозу для невинного человека. На русском языке статья Томсон публикуется впервые.

Ключевые слова: этика, медицинская этика, моральные дилеммы, моральное мышление, убийство, позволение умереть, проблема трамвая, последствия, Ф. Фут.

In 1976, the American philosopher Judith Jarvis Thomson published the article 'Killing, Letting Die, and the Trolley Problem' where she first gave an example with a fat man who was shoved on the tracks by an observer who wants to save five persons from getting rundown by trolley. She needed this example, first, to argue with the solution of the trolley dilemma proposed by Philippa Foot in the context of the controversy with the doctrine of the double effect, and second,

to compare the two events: killing and letting die. Thomson disputes the widespread point that killing is always worse than inactivity when an observer can help a dying person, but does not do so for any reason. From her point of view, consideration of moral dilemmas shows that there are situations where letting die will be a worse choice than life deprivation. As for the fat man's dilemma, here the author is interested in the question, is it possible to rationally prove that you cannot shove a fat man onto the path? Having given several similar examples, Thomson formulates several arguments, including the argument that the fat man dilemma is essentially an attempt to distribute the threat among six characters, but the fact that the observer not only distributes the threat, but also generates a new threat to an innocent person. This is the first time Thomson's article is published in Russian.

Key words: *ethics, medical ethics, moral dilemmas, moral thinking, killing, letting die, trolley problem, consequences, Ph. Foot.*

**Предисловие переводчика. Проблема толстяка:
действовать или бездействовать?**

Представьте, что вы стоите на мосту над трамвайными путями и видите, как потерявший управление трамвай летит на пятерых ничего не подозревающих людей. Они думают, что трамвай затормозит на остановке, но вы видите, что этого не произойдет. Единственный способ избежать трагедии – это бросить на пути что-то очень тяжелое, что остановит неуправляемую машину. Но единственное тяжелое рядом с вами – это толстяк, который перегнулся через перила и с интересом следит за происходящим. Если вы его слегка подтолкнете, то он упадет на рельсы, попадет под трамвай, остановит его, сам умрет, но таким образом вы спасете пять жизней. Знакомый сюжет, не правда ли? Но у этого сюжета есть конкретный автор – американский философ Джудит Джарвис Томсон (р. 1929), придумавшая эту историю в статье 1976 г. «Убийство, позволение умереть и проблема трамвая». Она придумала ее не просто в силу интереса к моральным парадоксам; толстяк и полтора десятка других примеров потребовались ей для обсуждения сложной этической проблемы: что лучше – убить или позволить умереть? Казалось бы, ответ очевиден. Одно дело, когда кто-то насильственно топит другого в озере, другое – когда жертва сама тонет, а наблюдатель смотрит на нее с берега и не пытается по-

мочь. Первое – подсудное убийство, второе – неподсудное бездействии; разве закон требует от обычного человека спасти другого, рискуя собой? Возможно, в моральном плане это будет не лучшим поступком, но не таким плохим, как убийство.

С первого взгляда так же можно оценить пример с толстяком: интуиция подсказывает, что лучше допустить гибель пятерых, чем самому стать убийцей, столкнув толстяка на рельсы. Тот факт, что гибнет не один, а пятеро, не должно поколебать нашу убежденность, что бездействовать в данном случае лучше, чем убить. Но вспомним ситуацию, придуманную Ф. Фут в ее знаменитой статье «Проблема аборта и доктрина двойного эффекта». У трамвая отказывают тормоза, и он летит на пятерых человек, стоящих на рельсах. Водитель может предотвратить трагедию единственным способом: повернув на заброшенный путь, на котором, не подозревая беды, сидит один человек. Водитель может бездействовать, и пятеро умрут, но он может действовать, и тогда погибнет один. Мы все еще настаиваем, что убить – всегда хуже, чем бездействовать? И, кстати, если водитель, спасая пятерых, все же задавит одного человека, будет ли это убийством? То, что его действия привели к смерти – несомненно, но можем ли мы назвать водителя именно убийцей? А если в трамвае решение принимал не водитель (положим, он к этому времени упал в обморок, заблокировав тормоза), а единственный пассажир? То обстоятельство, что агент в этом случае – не профессионал, а случайный свидетель, снимает с него ответственность за действие/бездействие, и можно ли также на него повесить ярлык убийцы?

Заданные здесь вопросы – лишь небольшая часть затруднений, вокруг которых вращается мысль Дж. Дж. Томсон. Одна из ее задач – ответить на выводы, которые делает Ф. Фут в уже упоминаемой статье. Но для нас интересна не только полемика двух философов, а в первую очередь интеллектуальный процесс, свершающийся в этой полемике, который можно назвать «моральным мышлением». Уже тот факт, что тысячи людей, интересующихся философией, ломают голову над дилеммами трамвая и толстяка, показывает, что авторы затронули нечто очень важное, касающееся определения границ самой человечности. Внимательное изучение текста показывает читателю некоторые аспекты отношений между людьми

ми, о которых он даже не догадывается, а также предупреждает о возможных коллизиях, неизбежных при грубом подходе к острым дилеммам социальной практики. Моральное мышление устроено так, что не ставит целью найти однозначные ответы на задаваемые вопросы; скорее, напротив, оно стремится учесть наибольшее количество индивидуальных и личностных факторов. Его задача заключается в другом, а именно – развить у человека чувствительность к состоянию других людей, которая поможет ему, взвесив все за и против, прийти к важным решениям. К сожалению, окружающий мир все чаще требует их принимать.

Перевод выполнен по источнику: [Thomson 1976: 204–217].

* * *

Убийство, позволение умереть¹ и проблема трамвая²

1. С моральной точки зрения может иметь большое значение то, как наступает смерть, например, по естественным причинам или от рук другого человека. Имеет ли значение, был человек убит или только ему позволили умереть? Очень многие так думают: они думают, что убийство хуже, чем позволение умереть. Из этого они делают выводы в отношении аборт, эвтаназии и распределения дефицитных медицинских ресурсов. Другие думают, что это не так; они полагают, что это видно, когда мы сконструируем пару случаев, которые, насколько это возможно, во всех остальных отношениях одинаковы, за исключением того, что в одном случае агент убивает, а в другом – только дает возможность умереть.

¹ В оригинале «letting die». Для русского языка более привычно слово «бездействие». В статье речь идет о таком бездействии, в результате которого умирает человек. Но это слово не выражает точно тот класс поступков, о котором говорит автор, поэтому переводчик остановился на выражении «позволение умереть» (здесь и далее в подстраничных сносках – примечания переводчика).

² С легкой руки переводчика книги Д. Эдмондса [2016] Д. Кралечкина в нашей литературе закрепился перевод слова *trolley* как «вагонетка», а выражения *trolley problem* как «проблема вагонетки». Однако для русскоязычного читателя вагонетка – это неуправляемая часть товарного поезда. В тексте Дж. Дж. Томсон речь идет об управляемой машине, передвигающейся по рельсам, то есть нет сомнений, что имеется в виду трамвай. Уместно вспомнить, что на обложке книги одного из ведущих исследователей этой темы Ф. Кэмм [Kamm 2015] изображен именно трамвай.

Так, например, представьте, что:

(1) Альфред ненавидит свою жену и желает ее смерти. Он выливает растворитель в ее кофе, убивая ее.

(2) Берт ненавидит свою жену и желает ее смерти. Она выливает растворитель в свой кофе (перепутав и думая, что это сливки). У Берта по счастливой случайности есть противоядие от растворителя, но он не дает его жене; он позволяет ей умереть³.

Альфред убивает свою жену из-за желания ее смерти; Берт позволяет своей жене умереть из-за желания ее смерти. Но то, что делает Берт, несомненно, так же плохо, как и то, что делает Альфред. Таким образом, убийство не хуже, чем позволение умереть.

Но сейчас я склонна думать, что этот аргумент – плохой. Сравните его с тезисом о том, что отрезать голову человеку не хуже, чем бить человека по носу. «Альфреда знает, что, если она отрежет голову Альфреду, он умрет, и, желая, чтобы он умер, она отрезает ее; Берта знает, что, если она ударит Берта по носу, он умрет – Берт находится в особом физическом состоянии, – и, желая, чтобы он умер, она бьет его по носу. Но то, что делает Берта, безусловно, так же плохо, как то, что делает Альфреда. Поэтому отрубать голову человеку не хуже, чем бить человека по носу». Нелегко точно сказать, что именно не так в этом аргументе, потому что неясно, что мы имеем в виду, когда говорим, что такая вещь, как отрубить человеку голову, хуже, чем бить человека по носу. Аргумент выявляет, что мы не подразумеваем ничего, что определяло бы для каждой пары действий, фактических или возможных, одно из которых – удары по носу, другое – отрезание головы, и которые, насколько это возможно, одинаковы во всех остальных отношениях, почему второе хуже первого. Или, наконец, аргумент выявляет, что мы не можем ничего подразумевать, когда определяем следующее: «Отрезать человеку голову хуже, чем бить человека по носу», если мы хотим считать это за правду. Выбор, по-видимому, спорный, и формулировка, которая быстрее всего приходит на ум, возможно, такова: если вы можете отрезать голову человеку или ударить его в нос, и если при этом он находится в «нормальном» состоянии,

³ Ср.: [Thomson 1973; также ср.: Tooley 1972; Rachels 1975].

и если другие обстоятельства равны – вам лучше не выбирать отрезание головы. Но нет необходимости вдаваться в подробности для наших целей. Независимо от того, что именно мы подразумеваем, говоря «отрезать голову человеку хуже, чем бить человека по носу», это, безусловно, а) не оспаривается случаями Альфреды и Берты и б) подтверждается фактом, что если вы можете сейчас либо отрезать мне голову, либо ударить меня по носу, то вам лучше не отрубать мне голову. Последнее утверждение – достоверно. Я не говорю, что вам лучше выбрать ударить меня по носу: лучше всего не делать ни того, ни другого. Также я не говорю, что не может быть так, что было бы допустимо выбрать отрезание моей головы. Но если все, как обычно, то лучше не выбирать.

Я не осмелюсь предполагать, что именно люди имеют в виду, говоря: «Убивать хуже, чем позволить умереть». Я думаю, что рассуждение из первого параграфа показывает, что они не могут подразумевать под этим нечто для каждой пары действий, фактических или возможных, одно из которых – позволение умереть, а другое – убийство, и при этом одинаковых во всех других отношениях, что определило бы, что второе хуже, чем первое, то есть они не смогут этого сделать, даже если принимают это утверждение за истину. Я думаю, что и здесь этот выбор под вопросом, и то, что они подразумевают под этим, – это то, что не опровергается случаями Альфреда и Берта. И разве то, что они подразумевают под этим, не подтверждается фактом – разве это не факт? – что в следующем случае Чарльз не должен убивать, что он должен вместо этого позволить умереть.

(3) Чарльз – великий хирург-трансплантолог. Один из его пациентов нуждается в новом сердце, но у него относительно редкая группа крови. Случайно Чарльз узнает о здоровом посетителе (*healthy specimen*) с такой же группой крови. Чарльз может взять сердце здорового посетителя, убив его, пересадить своему пациенту и спасти его. Или он может воздержаться от изъятия сердца здорового посетителя, позволив своему пациенту умереть.

Мне следует представить, что большинство людей согласятся с тем, что Чарльз не должен выбирать изъятие сердца одного человека ради спасения другого: он должен позволить своему пациенту

умереть. И разве то, что они подразумевают под этим, так же не подтверждается фактом – разве это не факт? – что в следующем случае Дэвид не должен убивать, что он должен вместо этого позволить умереть?

(4) Дэвид – великий хирург-трансплантолог. Пятерым его пациентам нужны новые органы: одному сердце, другим соответственно печень, желудок, селезенка и спинной мозг, – но у них у всех относительно редкая группа крови. Случайно Дэвид узнает о здоровом посетителе с такой же группой крови. Дэвид может взять органы у здорового посетителя, убив его, пересадить их своим пациентам и спасти их. Или он может воздержаться от изъятия органов у здорового посетителя, позволив своим пациентам умереть.

Даже если Дэвид не сможет сделать выбор в пользу того, чтобы разобрать на органы одного ради спасения пятерых, несомненно, что люди, которые говорят: «Убить хуже, чем позволить умереть», что бы они под этим ни подразумевали, должны быть правы!

С другой стороны, есть замечательная и при этом ужасная трудность, которая противоречит указанной точке зрения. Филиппа Фут говорит⁴ – и, кажется, правильно, – что в следующем случае Эдварду будет допустимо убить.

(5) Эдвард – водитель трамвая, чьи тормоза только что вышли из строя. На путях впереди него пять человек; ограждения пути настолько высокие, что они не смогут вовремя уйти с рельсов. У пути есть ответвление, ведущее вправо, и Эдвард может повернуть на него трамвай. К сожалению, на этом пути находится один человек. Эдвард может повернуть трамвай, убив одного, или он может не поворачивать трамвай и убить пятерых.

Если то, что люди подразумевают под фразой «Убить хуже, чем позволить умереть», – правда, то как Эдвард сможет решить повернуть трамвай?

Различие убийства и позволения умереть – это на самом деле та же замечательная и ужасная трудность: почему Эдвард может по-

⁴ В ее чрезвычайно содержательной статье [Foot 1967; русский перевод: Скворцов 2018]. Большинство моих примеров – это в большей или меньшей степени расширение ее примеров. См. также краткий ответ Дж. И. М. Энскомба [Anscombe 1967] в том же выпуске *Oxford Review*.

вернуть трамвай, чтобы спасти пятерых, а Дэвид не может разобрать на органы здорового посетителя, чтобы спасти пятерых? Мне нравится называть это «проблемой трамвая» в честь примера миссис Фут.

Собственное решение миссис Фут проблемы с трамваем заключается в следующем. Мы должны признать, что наши негативные обязанности, такие как обязанность воздерживаться от убийства, являются более строгими, чем наши позитивные обязанности, такие как обязанность спасать жизни. Если Дэвид ничего не делает, он нарушает позитивный долг спасти пять жизней; если он разберет на органы здорового посетителя, он нарушает отрицательную обязанность воздерживаться от убийства. Отрицательная обязанность воздерживаться от убийства не только более строгая, чем положительная обязанность спасти человека, но и более строгая, чем положительная обязанность спасти пятерых. Поэтому, конечно, Чарльз не может разрезать своего посетителя, чтобы спасти одного; и Дэвид не может его разрезать, даже чтобы спасти пятерых. Но случай Эдварда – другой. Если Эдвард «ничего не делает», то он ничего и не сделает; он убьет пятерых на пути впереди, поскольку он едет на трамвае прямо на них. Что бы Эдвард ни делал: повернул бы или не повернул, он убивает. Таким образом, для Эдварда нет конфликта между положительной обязанностью спасти пятерых и отрицательной обязанностью воздерживаться от убийства одного; для Эдварда существует конфликт между отрицательной обязанностью воздерживаться от убийства пятерых и отрицательной обязанностью воздерживаться от убийства одного. Но это не настоящий конфликт: отрицательная обязанность воздерживаться от убийства пятерых, безусловно, более строгая, чем отрицательная обязанность воздерживаться от убийства одного. Так что Эдвард может и даже должен повернуть трамвай.

Теперь я склонна думать, что миссис Фут ошибается относительно того, почему Эдвард может повернуть трамвай, но Дэвид не может резать здорового посетителя. Я говорю только, что Эдвард «может» повернуть трамвай, а не то, что он «должен»: моя интуиция подсказывает мне, что он не обязан его поворачивать, а для него лишь допустимо это сделать. Но это сейчас не важно:

во всяком случае, это для него допустимо. Почему? Сравним (5) с этим:

(6) Фрэнк – пассажир трамвая, чей водитель только что крикнул, что тормоза сломаны, и затем умер от удара. На трассе впереди пять человек; ограждения настолько высокие, что люди не смогут вовремя уйти с рельсов. У пути есть ответвление, идущее вправо, и Фрэнк может повернуть на него трамвай. К сожалению, на этом пути находится один человек. Фрэнк может повернуть трамвай, убив одного, или он может воздержаться от поворота трамвая, позволяя пятерым умереть.

Если Фрэнк поворачивает трамвай, он явно убивает человека, так же как и Эдвард, поворачивая трамвай, убивает человека: каждый, кто поворачивает трамвай на человека, по всей видимости, убивает его. Миссис Фут думает, что если Эдвард ничего не делает, он убивает пятерых, и я согласна с этим: если водитель трамвая направляет его на полной скорости на пятерых человек, он убивает их, даже если он сбивает их только потому, что его тормоза сломались. Но мне кажется, что если Фрэнк ничего не делает, он никого не убивает. В худшем случае он позволяет трамваю убить пятерых; он сам их не убивает, а только позволяет им умереть.

Но тогда, согласно принципам миссис Фут, конфликт для Фрэнка заключается между отрицательной обязанностью воздерживаться от убийства одного и положительной обязанностью спасти пятерых, как это было для Дэвида. По ее мнению, исходный долг – более строгий: его строгость должна была объяснить, почему Дэвид не мог разрезать на органы здорового посетителя. Согласно ее принципам, Фрэнк может повернуть трамвай не более, чем Дэвид может разрезать своего посетителя. Тем не менее я полагаю, что любой, кто думает, что Эдвард может повернуть свой трамвай, также думает, что Фрэнк может повернуть свой. Разумеется, тот факт, что Эдвард – водитель, а Фрэнк – единственный пассажир, не может объяснить столь большую разницу.

Итак, мы все еще нуждаемся в решении: почему Эдвард и Фрэнк могут повернуть свои трамваи, в то время как Дэвид не может резать здорового посетителя? Я думаю, чья-то интуиция может быть достаточно острой в этих вопросах. Предположим следующую ситуацию:

(7) Джордж находится на пешеходном мосту через трамвайные пути. Он разбирается в трамваях и видит, что тот, который приближается к мосту, потерял управление. На пути с обратной стороны моста находятся пять человек; ограждения настолько крутые, что они не смогут вовремя уйти с рельсов. Джордж знает, что единственный способ остановить вышедший из-под контроля трамвай – это сбросить очень тяжелый груз на пути. Но единственный доступный достаточно тяжелый вес – это толстяк, тоже следящий за трамваем с пешеходного моста. Джордж может толкнуть толстяка на рельсы перед трамваем, убив его, или он может воздержаться от этого, позволив пятерым умереть.

Предположительно Джордж не может толкнуть толстяка на трамвайный путь; он должен позволить пятерым умереть. Почему же тогда Эдвард и Фрэнк могут повернуть свои трамваи, чтобы спасти своих пятерых, в то время как Джордж должен позволить своим пятерым умереть? Кажется, что столкновение Джорджем толстяка на рельсы очень похоже на то, как Дэвид разрезал бы здорового посетителя. Но верно ли это сходство?

Следующие примеры касаются разных областей.

(8) Гарри – президент, и ему только что сказали, что русские запустили атомную бомбу в направлении Нью-Йорка. Единственный способ предотвратить падение бомбы на Нью-Йорк – это сбить ее с пути, но в таком случае бомба упадет на Вустер. Гарри может ничего не делать, позволив всему Нью-Йорку умереть, или он может нажать на кнопку и сбить бомбу, уничтожив при этом весь Вустер.

(9) Ирвинг – президент, и ему только что сказали, что русские запустили атомную бомбу в направлении Нью-Йорка. Единственный способ предотвратить падение бомбы на Нью-Йорк – это сбросить одну из наших атомных бомб на Вустер: взрыв американской бомбы уничтожит российскую бомбу. Ирвинг может ничего не делать, позволяя всему Нью-Йорку умереть, или он может нажать кнопку, которая запускает американскую бомбу на Вустер, и полностью уничтожить его.

Большинство людей, я думаю, почувствовали бы, что Гарри может действовать в (8): он может сбить российскую бомбу с пути к Нью-Йорку на Вустер, чтобы минимизировать ущерб. (Обратите

внимание: если Гарри не собьет эту бомбу, он никого не убьет – точно так же, как Фрэнк никого не убьет, если он не повернет трамвай.) Но я думаю, что большинство людей почувствовали бы, что Ирвинг не должен сбрасывать американскую бомбу на Вустер: президент просто не может начать атомную атаку на один из своих городов, даже чтобы спасти крупный город от такой же атаки.

Почему? Я думаю, что здесь та же самая проблема.

2. Возможно, самое существенное различие между упомянутыми мною случаями, в которых агент может действовать, и случаями, в которых он может не действовать, заключается в следующем: в первых речь идет об отклонении угрозы от большой группы к меньшей группе, в последних речь идет о том, что для меньшей группы создается новая угроза. Но нелегко понять, почему это так принципиально. Я думаю, что принципиально, и есть предположение относительно того, почему, но это не более чем предположение.

Я думаю, нам поможет переход от несчастья к благам. Предположим, что умирают шесть человек. Пятеро стоят на берегу, на каменной глыбе, а один стоит дальше. По течению скользит легкий леденец, я бы его назвала Леденец здоровья (*Health-Pebble*): он излечивает все, что вас беспокоит. Одному человеку для излечения требуется целый Леденец здоровья; каждому из пяти требуется только его пятая часть. Сейчас Леденец плывет по направлению к одному человеку, и если ничего не будет сделано, чтобы изменить его курс, тот заберет его. Мы случайно плаваем поблизости и можем отклонить Леденец к пятерым. Допустимо ли для нас это сделать? Мне кажется, что для нас допустимо отклонить Леденец здоровья только тогда, когда один не имеет на него больше прав (*has no more claim on it*), чем кто-либо из пятерых.

Что может послужить причиной того, что один человек имеет на него больше прав, чем каждый из пяти? Не факт, что ею является вещь, о которой я думаю, а именно что леденец направляется к одному и он заберет его, если мы ничего не сделаем. Здесь не действует принцип моральной инерции⁵: нет необходимости *prima facie*⁶ воздерживаться от вмешательства в существующее положение

⁵ Принцип моральной инерции – требование, запрещающее вмешиваться в естественный ход событий.

⁶ С первого взгляда (*лат.*).

дел только потому, что оно является существующим положением дел. Вор, воровство которого мы пресекаем, не мог бы сказать после этого, что если бы не наше вмешательство, он мог бы получить вещи, ибо он имел право на них; дело не в том, что мы сравниваем право вора на вещи и право владельца на них, находим право владельца более весомым и, следовательно, вмешиваемся, – просто грабитель не имеет права на эти вещи.

Леденец здоровья действительно может принадлежать одному человеку (он выпал из его лодки). Или он может принадлежать нам, и мы обещали его одному. Если что-то из этого имеет место, у него есть претензия на леденец в смысле права на него. Если он принадлежит одному человеку или если мы пообещали его только одному человеку, то он явно имеет больше прав на него, чем кто-либо из пяти, и мы не можем это отобрать у него.

Но я думаю, что слово «право» может быть использовано в более широком смысле. Например, предположим, что пятеро – злодеи, которые преднамеренно заразили смертельной болезнью одного, надеясь, что он умрет. (Потом они сами заболели.) Мне не кажется очевидным, что подобная история дает одному человеку право на леденец, но все же очевидно, что в каком-то смысле все это дает ему возможность претендовать на него, во всяком случае, больше, чем каждому из пятерых. Конечно, в любом случае каждый чувствует, что если речь идет о выборе между ними и другим, он должен это получить. Снова предположим, что шестеро играли в орлянку: они увидели леденец, плывущий по течению, согласились подбросить монетку за позиции на пляже и затем воспользоваться своими шансами. Теперь леденец плывет к одному из них. Мне не кажется, что подобная история дает право на леденец; но все же очевидно, что в каком-то смысле все это дает одному возможность претендовать на него, во всяком случае, больше, чем каждому из пятерых. (Хотя тот факт, что леденец плывет к кому-то, не дает ему больше прав на него – сложный факт, что плывущий леденец имеет определенный бэкграунд в виде орлянки, я думаю, дает ему больше прав. Если две группы согласились принять то, что происходит, и действовали добросовестно в соответствии с этим соглашением, я думаю, мы не можем вмешиваться.)

Оставляю открытым вопрос о том, какие еще обстоятельства могут дать одному больше прав на Леденец здоровья, чем каждому из пятерых. Тем не менее кажется достаточно ясным следующее: если один не имеет больше прав на него, чем каждый из пяти, мы можем отклонить леденец от него к пятерым. Если один не имеет на него больше прав, чем каждый из пяти, то для нас допустимо отклонить леденец, чтобы добиться того, чтобы он спас больше жизней, чем в случае, если бы мы не действовали.

Теперь Леденец здоровья принесет добро умирающим на берегу: если они его съедят, то выживут. Трамвай – это зло для живых людей на рельсах: если он их переедет, они умрут. И отклонение Леденца здоровья от одного к пятерым равнозначно отклонению трамвая от пяти на одного. Ибо, если леденец отклонен, одна жизнь потеряна, а пять спасены; и если трамвай отклонен, то также потеряна одна жизнь и пять спасены. Аналогия предполагает утверждение, что Эдвард (или Фрэнк) может повернуть трамвай, если и только если у одного нет больше прав против трамвая (*has no more claim against the trolley*), чем у каждого из пяти, то есть при этих обстоятельствах он может отклонить его, чтобы принести в жертву меньше жизней, чем было бы, если бы он этого не сделал.

Хотя было, по крайней мере, относительно ясно, какие вещи могут дать одному человеку больше прав на Леденец здоровья, менее ясно, что может дать одному человеку больше прав против трамвая. Тем не менее есть примеры, в которых достаточно ясно, что один имеет больше прав против трамвая, чем каждый из пяти. Предположим, что:

(i) пятеро на пути впереди – обычные путейские рабочие, ремонтирующие рельсы; они были предупреждены об опасностях своей работы, и им платят большие зарплаты, чтобы компенсировать опасность. Путь направо – тупик, не используемый в течение десяти лет. Мэр города поставил на него столы для пикника и пригласил выздоравливающих пациентов из ближайшей городской больницы пообедать там, гарантируя им безопасность от трамваев. Один – это выздоравливающий пациент, обедающий на запасном пути; ему никогда бы не пришло в голову обедать там, если бы не приглашение мэра и гарантия безопасности. И Эдвард (Фрэнк) – мэр.

Ситуация (i) очень похожа на ситуацию, когда у нас есть плывущий по течению Леденец здоровья и мы пообещали его одному человеку. Если мы пообещали Леденец здоровья одному, а не пятерым, у одного больше прав на него, чем у каждого из пятерых, поэтому мы не можем отклонить леденец от него; если Эдвард (Фрэнк) пообещал, что ни один трамвай не переедет одного человека, и не дал этого обещания пятерым, то у этого одного есть больше прав против трамвая, больше прав, чтобы он не был сбит, чем у любого из пятерых, поэтому Эдвард не может повернуть на него трамвай.

Получается, я обманула: Эдвард и Фрэнк не могут поворачивать свои трамваи во всех возможных случаях (5) и (6). Почему казалось, что так и будет? В других возможных случаях, что бы вы ни указали в качестве их содержания, шесть человек на рельсах находились на одном уровне: там не было ничего известно о каждом из них, что помогло бы решить вопрос, допустимо или нет повернуть трамвай. В частности, вы тогда предполагали, что дело не в том, имеет ли один человек больше прав против трамвая, чем каждый из пятерых.

Сравним для контраста со следующей ситуацией:

(ii) Все шестеро на путях – обычные рабочие, ремонтирующие рельсы. Как обычно, они тянут жребий, определяя участки работы. Один, который в итоге окажется на правом пути, только что случайно вытянул жребий с надписью «правый путь».

Или:

(iii) все шестеро – невинные люди, которых злодеи привязали к трамвайным путям: пятерых на одном пути, одного на другом.

Если (ii) или (iii) верно, все шестеро находятся на одном уровне в следующем отношении: у одного нет больше прав против трамвая, чем у каждого из пятерых, поэтому трамвай может быть повернут.

Рассмотрим еще одну ситуацию, если:

(iv) пятеро на путях впереди – обычные рабочие, ремонтирующие рельсы. На правом пути находится школьник, собирающий на рельсах камешки. Он знает, что не должен быть там: он перелез через забор, чтобы попасть на рельсы, игнорируя предупрежда-

ющие знаки, при этом думая: «Кто осмелится повернуть трамвай на школьника?»

Рискуя показаться жестокосердной по отношению к школьникам, я должна сказать, что думаю: если (iv) верно, то трамвай не только может, но и должен быть повернут. Таким образом, мне кажется возможным доказать, что если, как я показала, (iv) верно, то пятеро имеют больше прав против трамвая, чем один, трамвай не только может, но и должен быть повернут. Но для нынешних целей важно найти единственное, что делает позволительным поворачивать трамвай туда, куда допустимо.

Случай президента Гарри (8), конечно, похож на случай Эдварда и Фрэнка. Гарри также отклоняет то, что наносит вред, от большой группы к меньшей группе. И мое предположение состоит в том, что он может это сделать, поскольку (как мы можем представить) вустерцы не имеют больше прав против русской бомбы, чем ньюйоркцы.

Ситуация могла быть иной. Предположим, что на большой город спускается лавина. Можно ее отвести на маленький город? Мы можем это сделать? В этом случае – нет. Большой город находится в лавиноопасном районе – там очень велик риск схода лавин. Основатели большого города, когда его строили там, были предупреждены об этом риске, и все поселенцы, прежде чем обосноваться там, были об этом предупреждены. Но многие допустили этот риск и поселились там из-за красоты сельской местности и денег, которые можно заработать. Маленький город, напротив, не находится в лавиноопасном районе – там плоская местность на мили вокруг, и поселенцы селились в менее красивом городе с меньшими возможностями зарабатывать именно потому, что они не хотели подвергаться риску попасть в лавину. Здесь кажется очевидным, что мы не можем отвести эту лавину в маленький город, чтобы спасти большой город: жители маленького города имеют больше прав против лавины, чем жители большого города. И, может быть, дело в том, что Нью-Йорк оказался в зоне риска российской бомбардировки.

Факт, что для президента Гарри (8) допустимо отклонить атомную бомбу к Вустеру, выявляет нечто интересное. Миссис Фут попросила нас представить, что «один тиран угрожает применить

пытки к пятерым людям, если мы откажемся пытаться одного». Затем она спрашивает: «Станет ли поступить так нашим долгом, если мы ему верим?...» Конечно, нет; она заключает: «Если так, то каждый, кто хочет, чтобы мы сделали то, что считаем неправильным, должен лишь угрожать, что в противном случае он сам сделает то, что мы считаем еще более плохим. Таким образом, безумный убийца, который, как известно, выполняет свои обещания, может сделать нашим долгом убить невинного гражданина, чтобы он сам не убил двоих»⁷. Миссис Фут, разумеется, права. Но было бы неверным, если бы миссис Фут суммировала свои взгляды следующим образом: мы не должны делать грязную работу злодея для него. И это неверно в любом случае: предположим, что русским нет дела до Нью-Йорка. Город, который они в действительности хотят уничтожить, – это Вустер. Но по какой-то причине они могут направить свою бомбу только на Нью-Йорк, что и делают, надеясь, что президент Гарри сам отклонит ее на Вустер. Мне кажется, что не имеет значения, какова их настоящая цель: хотят ли они попасть в Вустер или нет, Гарри все еще может отклонить бомбу на Вустер. Но при этом он делает грязную работу злодеев за них: если он отклонит бомбу, то уничтожит Вустер за них.

Точно так же не имеет значения, хотят или не хотят злодеи в (iii) смерти того, кто находится на правом пути: Эдвард и Фрэнк могут также повернуть свои трамваи на него. То, что злодей хочет убить группу, не дает им никаких прав против бомбы или трамвая, превосходящих те, которые есть у другой группы. То, что злодей хочет убить одну группу, не дает ей больше прав против бомбы или трамвая, чем другой группе.

Отрывки из примеров миссис Фут, которые я цитировала, относятся к злодеям, которые еще не начали осуществлять свою угрозу против кого-либо, но пока лишь угрожают: они еще не определили последовательность событий – например, запустили бомбу или отправили трамвай вниз по рельсам – такую, что если мы не действуем, группе будет причинен вред. Злодеи еще только сказали, что установят такую последовательность событий. Я не отрицаю, что наши действия происходят в неопределенности: кто-то, как по-

⁷ [Foot 1967: 10].

лагает миссис Фут, будет полностью уверен, что злодей сделает именно то, что он обещает сделать. Есть две вещи, которые в этом случае делают действие недопустимым. Во-первых, есть прямое утилитарное возражение против того, чтобы так делать: последнее, что нам нужно, это дать будущим злодеям повод думать, что они добьются успеха, если действительно скажут такие вещи⁸. Но это не уведет нас далеко: как я уже сказала, мы можем отвести уже созданную угрозу от одной группы к другой, и мы не хотим, чтобы будущие злодеи думали, что они преуспеют, если им удастся воплотить только такую последовательность событий. Поэтому второй пункт более важен: действовать в таких случаях – это не отклонять угрозу от одной группы к другой, а вместо этого создавать иную угрозу для другой группы. Именно к таким случаям мы теперь должны обратиться.

3. Эдвард и Фрэнк могут повернуть трамваи тогда и только тогда, когда у одного человека нет прав против трамвая больше, чем у каждого из пятерых. Почему же для Дэвида недопустимо разрезать здорового посетителя?

Я думаю, здесь поможет Леденец здоровья. Ранее я говорила: мы могли бы предположить, что один человек действительно владеет леденцом, плывущим по течению (он упал с его лодки). И я сказала, что в этом случае он имеет больше прав на него, чем каждый из пяти, так что мы не можем отклонить леденец от него к пятерым. Давайте предположим, что вопроса об отклонении больше нет: леденец уже приплыл, и один человек его забрал. Предположим, он уже положил его в рот. Или что он уже проглотил его. Мы, конечно, не можем вскрыть человека, чтобы вытащить леденец, даже если он еще не переварен и может быть использован для спасения пятерых. Аналогично Дэвид не может разрезать здорового посетителя, чтобы отдать его органы пятерым. Человек не может приобрести свои части так же, как он приобретает леденец, или машину, или рабочий стол деда, но части тела все равно ему принадлежат. Поэтому здоровый посетитель имеет больше прав на эти органы, чем каждый из пяти – точно так же, как если бы один

⁸ [Ср.: Hodgson 1967: 77ff.].

владел Леденцом здоровья, у него было больше прав на него, чем у каждого из пятерых.

Я не утверждаю и не утверждала, что мы никогда не можем взять у одного то, что ему принадлежит, и отдать пятерым. Возможно, есть ситуации, в которых мы можем даже взять у одного то, что ему нужно для жизни, чтобы отдать пятерым. Предположим, например, что этот здоровый посетитель стал причиной заражения пятерых недугами, из-за которых им нужны новые органы – он сознательно сделал это, надеясь, что пятеро умрут. Без сомнения, кодекс законов, разрешающий хирургу пересадку в таких ситуациях, будет открыт для злоупотреблений, и по данной причине это плохо; но мне кажется, это не было бы несправедливым.

Так что, вероятно, мы можем поставить на одну доску случай Дэвида со случаями Эдварда и Фрэнка и сформулировать это так: Дэвид может разрезать своего здорового посетителя и отдать его органы пятерым тогда и только тогда, когда здоровый посетитель не имеет больше прав на свои органы, чем каждый из пятерых. Это оставляет возможность для Дэвида (4) в некоторых случаях действовать.

Но я склонна думать, что о случае Дэвида можно сказать нечто большее. Ранее я предположила, что если Джордж (7) столкнет толстяка на трамвайный путь, он сделает нечто очень похожее на то, что делает Дэвид, если он разрежет здорового посетителя. И все же Джордж ничего не отнимал у одного, чтобы отдать это пятерым. Конечно, Джордж «заберет» жизнь толстяка, но это означает только то, что Джордж убил бы толстяка, а Эдвард и Фрэнк тоже кого-то убили. То же для Ирвинга в (9): если он бомбит вустерцев, он ничего не забирает у них, чтобы передать ньюйоркцам.

Более того, рассмотрим следующий вариант случая Дэвида:

(4') Дональд – отличный диагност. Пятеро его пациентов умирают. Случайно Дональд узнает о здоровом посетителе; если Дональд разрежет его на части, то станет возможным запустить у пятерых особый физиологический процесс, который вылечит их. Дональд может разрезать здорового посетителя на части, убив его, но тем самым спасая своих пациентов. Или он может воздержаться от этого, позволив своим пациентам умереть.

В (4') Дональду не нужно давать что-либо, принадлежащее здоровому посетителю, пятерым; в отличие от Дэвида, ему нужно только разрезать здорового посетителя на кусочки, которые затем можно выбросить. Тем не менее, по-видимому, при любых обстоятельствах Дэвид не может действовать, и Дональд также не может действовать.

В то же время в случаях Джорджа, Ирвинга и Дональда есть что-то еще, на что я не обратила внимания в случае Дэвида; и, возможно, эта вещь присутствует у Дэвида тоже.

Предположим, что в оригинальной истории, где леденец плывет по течению, мы по какой-то причине не можем отклонить леденец от одного человека к пятерым. Все, что мы можем сделать, если хотим, чтобы пятеро взяли его вместо одного, – это столкнуть одного в воду и оттолкнуть от берега в то место, где леденец для него будет недоступен; или все, что мы можем сделать, – это сбросить бомбу на одного; или все, что мы можем сделать, это разрезать его на куски.

Я полагаю, что могут быть обстоятельства, при которых для нас было бы позволительно сделать одно или другое из этих вещей применительно к одному, даже в обстоятельствах, которые включают то, что один владеет леденцом. Возможно, было бы допустимо сделать это, если один стал причиной заражения пятерых недугами, из-за которых им нужен леденец, и он сделал это сознательно, надеясь, что пятеро умрут. Однако важным моментом является следующее. Тот факт, что один не имеет больше (прав) на леденец, чем каждый из пятерых, делает для нас допустимым отклонить леденец от одного к пятерым, но это не делает позволительным нам сталкивать одного, бомбить его или резать на куски, чтобы пятеро получили леденец.

Почему? Есть замечательный, требующий распределения Леденец здоровья. Если мы ничего не сделаем, один получит его, а пятеро – нет, то есть один будет жить, а пятеро умрут. Мы убеждены, что лучше жить пятерым и одному умереть, чем жить одному, а пятерым умереть, поэтому лучше распределить данное благо так, чтобы его получили пятеро, а один – не получил. Если у одного человека нет больше прав на благо, чем у каждого из пятерых, он не может жаловаться, если мы *что-то* делаем, чтобы добиться

лучшего распределения; но он может жаловаться, если мы сделаем что-то *с ним*, чтобы добиться лучшего распределения.

Если на берегу лежит красивая ракушка, и у нее нет владельца, я не могу пожаловаться, если вы положите ее в карман, чтобы отдать другому человеку, который получит от нее большее удовольствие, чем я. Но я могу жаловаться, если вы оттолкнете меня в сторону, чтобы получить возможность положить ее в карман и отдать другому человеку, который получит от нее большее удовольствие, чем я. Она бесхозна, так что вы можете делать с ней все, что необходимо для лучшего распределения. Но человек не является чем-то бесхозным, чтобы быть брошенным куда-то для лучшего распределения чего-то еще.

Плохо, когда распределение зависит от едущего на скорости трамвая. Если ничего не сделать, пятеро вытянут жребий, а один нет, пятеро умрут, а один будет жить. Мы убеждены, что было бы лучше пятерым жить, а одному умереть, чем жить одному, а умереть пятерым, и поэтому лучше было бы распределить плохую вещь так, чтобы ее получил один, а пятеро – нет. Если у одного человека нет больше прав против плохой вещи, чем у каждого из пятерых, он не может жаловаться, если мы что-то делаем *с ней*, чтобы добиться ее лучшего распределения, то есть для Эдварда и Фрэнка допустимо повернуть трамвай. Но даже если у человека нет больше прав против плохой вещи, чем у каждого из пятерых, он может жаловаться, если мы что-то делаем *с ним*, чтобы добиться ее лучшего распределения, то есть недопустимо, чтобы Джордж столкнул толстяка с моста на трамвайные пути.

Это правда, что если Эдвард и Фрэнк поворачивают трамвай, они не просто их поворачивают: они направляют трамвай на одного человека, они его сбивают и поэтому убивают. И если вы поворачиваете трамвай на человека, если вы его сбиваете и поэтому убиваете, вы определенно что-то с ним делаете. (Я не знаю, следует ли утверждать, что если вы отклоняете Леденец здоровья от одного, которому он нужен для выживания, а он бы получил его, если бы вы бездействовали, вы бы его убили; здесь возможно сказать, что вы его убили, и возможно сказать, что вы его не убили, а только вызвали его смерть. Это не имеет значения: даже если вы только вызвали его смерть, вы определенно с ним что-то сделали.) Разве

у них нет серьезных оснований для жалоб, как у толстяка Джорджа? Нет, поскольку Эдвард (Фрэнк) поворачивает трамвай на одного человека, и то, как он сбивает его и поэтому убивает, – это не то, что он делает с этим человеком, чтобы добиться лучшего направления трамвая. Трамвай направляется лучшим образом, если под него попадет один; он сбивает одного и поэтому его убивает; и Эдвард не поворачивает трамвай на одного, он не сбивает и поэтому не убивает его, но чтобы добиться этого, он должен повернуть трамвай. Вы не добьетесь, чтобы вещь плавилась или ломалась, расплавляя или ломая ее; вы добьетесь, чтобы она таяла или ломалась (как это бывает), кладя ее на плиту или ударяя ее кирпичом. Точно так же вы не добьетесь, чтобы вещь досталась человеку, передавая ее ему; вы добиваетесь того, чтобы он ее получил (как это бывает), отклоняя ее, поворачивая ее, бросая – что угодно, но только чтобы передать это ему.

В отличие от этого Джордж, если он действует, делает что-то с толстяком (толкает его с моста на трамвайные пути), добиваясь лучшего распределения трамвая, а именно того, что один (толстяк) получает это вместо пятерых.

Еще немного следует сказать о различии, к которому я обращаюсь, если мое предположение будет принято. Частично нам мешает отсутствие теории действия, которая должна объяснять, в частности, что значит добиваться чего-то, делая что-то. Но, вероятно, мы можем опереться на интуицию: имеет ли значение в тех случаях, в которых должна распространяться угроза, то, распространяет ли ее агент, делая что-то для этого, или же он распространяет ее, делая что-то человеку.

Я думаю, что разница между случаями Гарри и Ирвинга та же самая. Гарри, если он действует, делает что-то с российской бомбой (отклоняет ее), чтобы минимизировать ущерб: ее получают многочисленные вустерцы вместо многочисленных ньюйоркцев. Ирвинг, напротив, делает что-то с вустерцами (сбрасывает на них одну из наших бомб), чтобы добиться наилучшего попадания российской бомбы: вместо многочисленных жителей Нью-Йорка ее не получит никто. Следовательно, тот факт, что вустерцы не имеют больше прав против российской бомбы, чем ньюйоркцы, позволяет действовать Гарри, но не Ирвингу.

Если мы можем говорить о том, как лучше распределить болезнь, мы можем также сказать о Дональде, что, если он действует, он делает что-то со своим здоровым посетителем (разрезает его на куски), чтобы добиться лучшего распределения заболевания, угрожающего пятерым пациентам: вместо пятерых не убит (болезнью) никто.

Особая злобность в действиях Дэвида, если он действует, заключается в следующем: во-первых, он отдает пятерым то, что принадлежит одному (а именно части тела), а во-вторых, для того, чтобы добиться наилучшего распределения болезни, угрожающей пятерым, то есть чтобы добиться, чтобы вместо пяти убитых болезнью пациентов никто не был убит ей, он что-то делает с одним (а именно разрезает его на органы).

4. Убить хуже, чем позволить умереть? Я полагаю, то, что имеют в виду те, кто говорит это, вполне может быть правдой. Но я подозреваю, что они не имеют в виду достоверные факты, что есть пары действий, содержащих убийство и позволение умереть, где первое не хуже второго (например, пара, содержащая действия Альфреды и Берта), а также не имеют в виду достоверные факты, что есть случаи, когда агент может убить вместо того, чтобы позволить умереть (например, Фрэнк и Гарри). Я подозреваю, что они имеют в виду то, что подтверждается некоторыми случаями, когда агент не может убить вместо того, чтобы позволить умереть (например, Дэвид и Дональд). Поэтому, как я уже сказала, я думаю, что они могут быть правы. В целом я подозреваю, что миссис Фут и другие могут быть правы, когда говорят, что негативные обязанности – более строгие, чем позитивные. Но мы не сможем так решить, пока не выясним, к чему приводят такие вещи. Тем не менее я думаю, что они об этом не особо беспокоятся. Например, я полагаю, что большинство людей убеждены, что отрубать голову человеку хуже, чем бить человека по носу, и я думаю, что для нас это не более ясно, чем для тех, кто так утверждает. Это большой вопрос, и он вопрос для всех нас.

Тем не менее тезис о том, что убить хуже, чем позволить умереть, не может быть использован каким-либо простым механическим способом, чтобы сделать выводы об абортах, эвтаназии и распределении ограниченных медицинских ресурсов. Случаи должны

рассматриваться индивидуально. Если ничто иное не следует из предыдущего обсуждения, оно в любом случае может служить напоминанием, что существуют обстоятельства, при которых – даже если это правда, что убить хуже, чем позволить умереть, – можно выбрать убийство вместо того, чтобы позволить умереть.

Перевод А. А. Скворцова

Литература

Скворцов А. А. Филиппа Фут: Проблема аборта и доктрина двойного эффекта // *Философия и общество*. 2018. № 2. С. 124–141.

Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? М. : Изд-во Ин-та Гайдара.

Anscombe G. E. M. Who Is Wronged? // *Oxford Review*. 1967. Vol. 5. Pp. 16–17.

Foot Ph. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // *Oxford Review*. 1967. Vol. 5. Pp. 5–15.

Hodgson D. H. *Consequences of Utilitarianism: A Study in Normative Ethics & Legal Theory*. New York : Oxford University Press, 1967.

Kamm F. M. *The Trolley Problem Mysteries*. Oxford : Oxford University Press, 2015.

Rachels J. Active and Passive Euthanasia // *New England Journal of Medicine*. 1975. No. 292. January. Pp. 78–80.

Thomson J. J., Rights and Deaths // *Philosophy and Public Affairs*. 1973. No. 2(2). Winter. Pp. 146–159.

Thomson J. J. Killing, Letting Die, and The Trolley Problem // *The Monist*. 1976. Vol. 59. No. 2. April. Pp. 204–217.

Tooley M. Abortion and Infanticide // *Philosophy and Public Affairs*. 1972. No. 2(1). Pp. 37–65.